

9. Robertson Roland. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) / Roland Robertson // SAGE Publications, 1992. Printed in Great Britain by The Cromwell Press Ltd, Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire, – 310 p.

10. Wallerstein I. Geopolitics and geoculture. Essays on the changing world–system / Immanuel Wallerstein. – Cambridge, University Press, 1991. – 242 p.

References

1. Vallerstajin I. Analiz mirovych sistem i situacija v sovremennom mire / I. Vallerstajin [Per. s angl. P. M. Kudjukina]. – SPb.: Izdatel'stvo «Universitetskaja kniga», 2001. – 416 s.

2. Vallerstajin I. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka / I. Vallerstajin [Per. s angl. pod red. V. I. Inozemceva]. – M.: Logos, 2004. – 368 s.

3. Voronkova V. G., Nikitenko V. O. Suchasna geokul'tura jak sociokul'turnyj fenomen kul'turnoi' globalizacii' / V. G. Voronkova, V. O. Nikitenko // Gileja: naukovyj visnyk. – 2013. – №72. – S.487–492.

4. Soros Dzh. Kryza global'nogo kapitalizmu / Dzh. Soros. [per. z angl. Myl'njuk V.]. – K.: Osnovy, 1999. – 305 s.

5. Habermas Ju. Postnacional'naja konstelljacija i budushhee demokratii / Ju. Habermas // Logos. – 2003. – №4–5 (39). – S.105–152.

6. Hantington S. Stolknovenie civilizacij / S. Hantington [per. s angl. Ju. Novikova]. – M.: AST, 2003. – 603 s.

7. Held D., Gol'dblat D., Makgrju Je., Perraton Dzh. Global'nye transformacii / Held D. i dr. [per. s angl. Berljukov A.]. – M., 2004. – 235 s.

8. Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization / Appadurai A. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.

9. Robertson Roland. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) / Roland Robertson // SAGE Publications, 1992. Printed in Great Britain by The Cromwell Press Ltd, Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire, – 310 p.

10. Wallerstein I. Geopolitics and geoculture. Essays on the changing world–system / Immanuel Wallerstein. – Cambridge, University Press, 1991. – 242 p.

Kostyrya I. O., PhD in Political Science, Associate Professor, Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine, Kyiv), prorectorknukim@gmail.com

Poly–semantics concepts in modern political science geo–culture

The article represents the scientific examination of the phenomenon of geo–culture in contemporary political science. Geo–culture concept was interpreted as scientific and administrative aspects of geopolitics, defining valuable cultural origins of political rivalry and alliance. At the same time, based on I. Wallerstein and S. Huntington studies, the author demonstrates the authorial meaning of this concept and revealing its poly–semantics. Geo–culture explication of political science in general is realized by means of analysis recognized geo–cultural trends, including geo–cultural polarization, geo–cultural assimilation, geo–cultural hybridization and cultural isolation.

Keywords: geo–culture, world–system, geo–cultural polarization, geo–cultural assimilation, geo–cultural hybridization and cultural isolation.

Костыря И. О., кандидат политических наук, доцент, Киевский национальный университет культуры и искусств (Украина, Киев), prorectorknukim@gmail.com

Полисемантичность понятия геокультура в современной политологии

Представляется научный обзор феномена геокультуры в современной политологии. Понятие геокультуры было интерпретировано как научно–управленческий аспект геополитики, которая определяет культурно–ценностное происхождение политического соперничества и союзничества. В то же время, основываясь на исследованиях И. Валлерстайна и С. Хантингтона, демонстрируется авторский смысл данного понятия и раскрывается его полисемантичность. Экспликация геокультуры в общей политологии реализована средствами анализа признанных геокультурных трендов, в частности, геокультурной поляризации, геокультурной ассимиляции, геокультурной гибридизации и культурной изоляции.

Ключевые слова: геокультура, миросистемы, геокультурная поляризация, геокультурная ассимиляция, геокультурная гибридизация и культурная изоляция.

* * *

УДК 321.7:327

Гаврилюк Г. И.,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и политологии,
Харьковская государственная академия культуры
(Украина, Харьков), gengavriyuk@ukr.net

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕФЕКТНЫХ ДЕМОКРАТИЙ

Дефектная демократия рассмотрена как полноправный тип политического режима, возникший в результате массового сдвига государств по «шкале политических режимов» в сторону демократии в ходе третьей волны демократизации. Разграничение авторитаризма, дефектной демократии и демократии проведено на основе критерия легитимности демократических процедур и правил. Делегативная демократия, гибридный режим и электоральный авторитаризм осмыслены как подтипы дефектной демократии. Доказано, что современная дефектная демократия представляет собой режим, который характеризуется неопределенностью в вопросе функционирования демократических процедур и является продуктом неадаптированного или ограниченного «пактом о дефектной демократии» демократического транзита в рамках третьей волны демократизации.

Ключевые слова: дефектная демократия, волна демократизации, неадаптированный демократический транзит, делегативная демократия, гибридный режим, электоральный авторитаризм.

(статья друкється мовою оригіналу)

Оценка мировой политической наукой демократии и её исторических перспектив демонстрирует несвойственную для научного познания изменчивость и непостоянство. На протяжении большей части прошлого столетия политические теоретики в основном указывали на формальный характер демократии, критиковали её недостатки, а идею приоритетности демократического развития для человечества «клеямили как лицемерие и отбрасывали во имя приоритетов вроде бы куда более конкретных» [1, с. 11–12].

Начиная с середины 80–х гг. XX в., в науке утверждается радикально противоположный взгляд на демократический транзит как на преобладающий и, практически, безальтернативный тренд глобального политического развития, а на демократию – как на его наиболее желательный и закономерный результат. Подобный оптимизм опирался на критерий «электоральной демократии» и, вытекающий из него, количественный подход к анализу перспектив и возможностей демократии.

Понятие электоральной демократии восходит к «минималистской дефиниции» Й. Шумпетера и предусматривает наличие «процедурного минимума» [2, с. 108] или «ограниченного набора средств осуществления прерогативной политики» [3, с. 22] для режимов, претендующих на демократический статус. Таким минимумом обычно признаются регулярное электоральное соперничество элит в борьбе за государственную власть, непредрешенность исхода выборов и невозможность пересмотра их результатов.

Международная правозащитная организация *Freedom House*, исходя из необходимости иметь систему определенных эмпирических показателей, верифицирующих её мониторинговые программы, превратила электоральную демократию в критерий разграничения демократий и авторитаризмов. По мнению её экспертов, электоральную демократию идентифицируют следующие процедурные элементы:

- а) состоятельная, многопартийная политической система;
- б) всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних граждан;

в) регулярное проведение жестко конкурентных выборов, при тайном голосовании, достаточной степени безопасности и в отсутствие массовых махинаций, искажающих волю членов общества;

г) значительный доступ основных политических партий к избирателям через средства массовой информации и с помощью открытой политической агитации [4, р. 716].

Сконструированный таким образом критерий позволил констатировать прогрессирующее количественное преобладание демократий над авторитаризмами в современном мире (от 53% в 1992 г. до 64% в 2015 г. [5]) и обосновать данной динамикой мнение об отсутствии у демократии жизнеспособных альтернатив, которое было воспринято научным сообществом. По умолчанию подразумевалось, что преодоление барьера электоральной демократии является определяющим фактором демократического транзита, который превращает проблему трансформации режима в либеральную демократию, требующую «значительного массива гражданских свобод», в вопрос времени.

Однако подобное мнение очень быстро было названо «электористским заблуждением», а к концу XX в. родилось понимание, что демократический транзит, даже в случае достижения режимом параметров электоральной демократии, «отнюдь не всегда ведет к утверждению либеральной демократии западного образца», что демократический институциональный дизайн может наполняться «иным содержанием», а формальные демократические процедуры могут «выполнять роль фасада, за которым скрываются авторитарные практики» [2, с. 105].

Осознание неполной научной состоятельности минималистского подхода к определению демократии актуализировало задачу достижения концептуальной ясности в решении этого вопроса и, как побочный эффект, породило проблему демократий «с прилагательными» [6]. Данный концепт американских исследователей Д. Колльера и С. Левицки впервые объединил демократии с особыми институциональными чертами, «урезанные» формы демократии, которые «частично накладываются друг на друга самым разнообразным способом» [7, с. 11] и недемократии, отличающиеся от авторитаризмов.

Важность и актуальность исследования подобных режимов доказывается эмпирическими данными. Так исследовательский проект *Democracy Index*, разработанный Economist Intelligence Unit, проанализировав уровень развития демократии в 167 странах, 24 из них отнес к «полным демократиям», 52 – к «дефектным демократиям», 39 – к «гибридным режимам» и 52 – к «авторитарным режимам» [8, с. 3–8]. Другими словами 91, или 54,49% от изученных режимов, был определен как промежуточный между демократией и авторитаризмом. Российский политолог В. А. Рябушкина, интерпретировав под углом зрения собственной методологии данные программы *Freedom in the World*, получила почти аналогичный результат: из 193 государств, подвергнутых мониторингу, 78 оказались либеральными демократиями, 90 (44,63%) – квазидемократиями и 25 – авторитарными режимами [2, с. 110–111]. Как мы видим, в обоих исследованиях режимы, которые не являются ни демократиями, ни авторитаризмами, составили наиболее многочисленные группы. Эти группы включают в себя

и Украину, которую *Democracy Index* [8, с. 6] и *Nation in Transit* [9, с. 14] определяют как гибридный режим, а *Freedom in the World* – как частично свободную электоральную демократию [10, с. 24].

Литература политических режимов промежуточного типа весьма обширна и включает великое множество авторских концепций. В тоже время она противоречива, далека от какой-либо систематизации и терминологической определенности.

Направление рассуждений и выводы автора статьи во многом предопределены гипотезами Ф. Шмиттера о «демократурах» и «диктабландах» [11, с. 128–129], Т. Л. Карл о «гибридных режимах» [12], Г. О’Доннелла о «делегативных демократиях» [11, с. 145–160], Л. Даймонда об «электоральных демократиях» и «псевдодемократиях» [7, с. 13–15], К. Джаггерса и Т. Гарра о «несвязанных демократиях» и «несвязанных автократиях» [13], Т. Каротерса о зависании режимов в «серой зоне» под влиянием «бесформенного плюрализма» или «доминирования некой политической силы» [14, р. 9–14], а также концепции А. Шедлера об «электоральных авторитаризмах» [15, р. 1–23].

Особое место отводится работам Д. Колльера и С. Левицки [6], А. Армони и Э. Шамиса [16], в которых содержатся обзоры и критические обсуждения специальных терминов для обозначения особых типов авторитаризма, демократии и промежуточных политических режимов.

Для маркировки режимов, соединяющих в себе элементы демократии и авторитаризма, выбран термин «дефектная демократия» (*imperfect democracy*), автором которого является британский политолог Р. Саква [17, р. 68]. Данный термин кажется наиболее удачным по двум причинам. Во-первых, он поддерживает научную традицию называть режимы, отличающиеся от диктатур, демократиями. Во-вторых, слово «дефект» (лат. *defectus*, англ. *imperfection*) имеет смыслы «изъян», «недостаток», «неполнота», «несовершенство», которые позволяют объединять под предложенным названием и «несовершенные» демократии, и «неполные» авторитаризмы.

Целью статьи является выяснение происхождения дефектных демократий, выявление особенностей политических процессов, которые их порождают, и обоснование критерия их отграничения от демократий и автократий.

Косвенный ответ на вопрос о происхождении дефектных демократий дают теории, которые описывают глобальные тренды мирового политического развития. Классическая концепция американского политолога С. Хантингтона описывает процесс всемирной демократизации при помощи метафоры «волн».

«Волна демократизации» содержит информацию о количестве демократических транзитов, которые имели место за определенный период времени. «Откатная волна» – это сочетание своеобразного отчета о их результатах и данных о количестве дедемократизационных процессов, наблюдаемых за пределами волны демократизации. Алгоритм извлечения сведений следующий:

а) упоминание страны в контексте волны демократизации и неупоминание в контексте соответствующего отката означает завершение демократического транзита установлением либеральной демократии;

б) упоминание страны и в контексте волны демократизации и в контексте соответствующего отката свидетельствуют либо о неудаче демократического транзита в виде установления автократического режима, либо о наличии дедемократизационного процесса;

в) упоминание страны в контексте первой волны демократизации и второго отката говорит о дедемократизации политической системы.

Использование алгоритма позволяет утверждать, что по данным С. Хантингтона [18, с. 24–25], первая волна демократизации (1828–1926 гг.) состояла из 33-х демократических транзитов, 19 из которых привели к установлению либеральных демократий. Уменьшение количества демократий на 22 единицы в ходе первого отката означает наличие 14-ти неудачных завершений транзитов и 8-ми случаев дедемократизации политической системы по причине оккупации страны в годы Второй Мировой войны. Вторая волна демократизации (1943–1962 гг.) объединила 41 демократический транзит, 20 из которых завершились переходом к либеральной демократии (включая 6 случаев редемократизации государств, освобожденных союзниками, и 3 случая принудительной демократизации стран, проигравших войну). Уменьшение количества демократий на 22 единицы в ходе второго отката свидетельствует о неудачах 20-ти транзитов и о 2-х случаях дедемократизации, вызванных внутренними причинами (Греция и Чили).

Третья волна демократизации, по данным программы *Freedom in the World*, охватила примерно 95 демократических транзитов [5] и, очевидно, завершилась в период 1998–2006 гг., начиная с которого увеличение количества демократий перестало соответствовать хантингтоновскому критерию «значительности». Невозможность подвести её итоги при помощи концепта «третьего отката» свидетельствует об исчерпанности возможностей бинарного подхода С. Хантингтона, предполагающего только два возможных завершения демократического транзита: переход к демократии или возврат к автократии. Методу анализа обрушило преобладание переходов к режимам, которые отличаются и от демократии, и от автократии. Именно в рамках третьей волны демократизации количество переходов к дефектной демократии «значительно превысило» количество переходов в любом другом направлении.

Важность третьей волны, как истока дефектной демократии, заставляет обратить внимание на критику выводов С. Хантингтона. Немецкий политолог Д. Берг-Шлоссер, исследуя процессы демократизации в исторической перспективе, выявил периоды «долгосрочных» и «более резких» изменений. Первые он предложил назвать «длинными волнами», а вторые – «развилками», подразумевающими определенные критические моменты, когда за относительно короткий период происходит серия связанных событий. «Развилка», по мнению Д. Берг-Шлоссера, подразумевает «изменчивость, появление различных возможных траекторий дальнейшего развития» [19, с. 98]. Поэтому, «развилки» в отличие от «откатов», могут быть благоприятными и неблагоприятными, что создает возможность датировать начало третьей волны не португальскими событиями 1974 г., а последней благоприятной развилкой 1989–1990 гг. В этом случае, по данным *Democracy Index*, ни одна из демократий третьей волны не попадет в разряд «полных», или либеральных

демократий, что существенно повысит однородность её результатов.

Каждая волна демократизации имеет свое оригинальное и неповторимое содержание, которое накладывает отпечаток на понимание характера демократических преобразований. Для первой волны, демократическая трансформация означает появление небольшого количества режимов, основанных на всеобщем избирательном праве и формальной подотчетности правительства парламенту. Для второй – переход к режиму, который, соответствует общеизвестным параметрам «полиархии» Р. Даля или «либеральной демократии» Л. Даймонда. Для третьей волны, демократизация равнозначна массовому сдвигу политических режимов в сторону демократии в форме замещения дефектной демократией той позиции на шкале политических режимов, которая раньше принадлежала авторитаризму.

Конституирование дефектной демократии в качестве полноправного типа политического режима предполагает выработку критерия, разграничивающего авторитаризм, дефектную и либеральную демократии. Таким критерием целесообразно признать легитимность демократических/ недемократических процедур и правил. В этом случае либеральной демократией будет считаться режим, при котором легитимны исключительно демократические процедуры. Именно они являются нормой, поскольку согласованы элитами в ходе демократического транзита и восприняты массами. При авторитаризме нормой признаются исключительно недемократические процедуры, поскольку правящая группа не связана с другими группами никакими обязательствами. В дефектных демократиях понятие нормы утрачивает определенность, что допускает сочетание легитимности как демократических, так и недемократических процедур. Причина такого положения кроется в нерешенности вопроса о нормальности в процессе демократического транзита.

Применение критерия легитимности процедуры на разных уровнях политического процесса позволяет выделить три подтипа дефектной демократии.

Первый подтип допускает легитимность как демократических, так и недемократических процедур на уровне принятия политических решений при исключительной легитимности демократических процедур на электоральном и законодательном уровнях. Чистую разновидность такого режима (с легитимным доминированием недемократических процедур на соответствующем уровне) Г. О’Доннелл осмыслил как «делегативную демократию». Такой подтип удовлетворяет минималистскому критерию электоральной демократии и вполне может считаться демократией, что долгое время и делалось транзитологией. Достижение легитимного доминирования демократических процедур на уровне принятия политических решений в процессе консолидации демократии приводит к делегитимизации недемократических процедур и переходу к либеральной демократии.

Второй подтип дефектной демократии характеризуется легитимностью демократических и недемократических процедур на уровне электорального процесса при доминировании недемократических процедур на уровне принятия политических решений и исключительности демократических процедур – на законодательном.

Такой подтип балансирует на критерии электоральной демократии, что позволяет, с легкой руки Т. Л. Карл, назвать его «гибридным режимом». Такие режимы уже не могут считаться демократическими в целом, что не мешает воспринимать некоторые из них как демократии в порядке исключения. Именно выделение этих режимов стало толчком к разработке всего концепта «дефектной демократии».

Третий подтип дефектной демократии базируется на совместной легитимности демократических и недемократических процедур в законодательном процессе при доминировании недемократических процедур на политическом и электоральном уровнях. Такой подтип уже не удовлетворяет критерию электоральной демократии и не может быть отнесен к демократическим. В науке (А. Шедлер) – осмысливается как «электоральный авторитаризм». Эти режимы отличаются от авторитарных сохранением некоторой степени легитимности демократических процедур на всех уровнях политики при их вероятном доминировании на уровне законодательного процесса. Достижение легитимного доминирования недемократических процедур на последнем уровне (крах парламентаризма) ведет к делегитимизации демократических процедур и переходу к авторитаризму.

Ключ к пониманию причин возникновения дефектных демократий находится в понятии «демократический пакт». Успешные демократические транзиты первой и второй волн имели пактированный характер. Недемократические процедуры на электоральном и законодательном уровнях утрачивали легитимность уже в фазе демократизации, т.е. в самом процессе демократических трансформаций. Проблема утверждения демократических процедур уходила из политической повестки дня. Элиты, отрицающие их на указанных уровнях, маргинализировались в фазе социализации демократии. Основным результатом пактированных переходов к демократии стали делегативные демократии, которые затем в процессе консолидации, как правило, трансформировались в либеральные демократии.

В третьей волне демократизации преобладали непактированные переходы к демократии, которые внедрили демократические процедуры, но не смогли вынести их за рамки электорального соперничества. Результатом непактированных транзитов оказались дефектные демократии, подтип которых определяется соотношением сил демократической и авторитарной элит.

Абсолютной новеллой третьей волны демократизации стали постсоветские демократические транзиты на основе «пакта о дефектной демократии», т.е. элитной договоренности о легитимизации недемократических процедур на электоральном уровне при наличии определенных условий. Демократические транзиты такого рода привели к формированию «замороженных» гибридных режимов.

Таким образом, современная дефектная демократия представляет собой один из основных типов политических режимов, который характеризуется неопределенностью в вопросе функционирования демократических процедур и является продуктом непактированного или ограниченного «пактом о дефектной демократии» демократического транзита в рамках третьей волны демократизации.

Список использованных источников

1. Ревель Ж.–Ф. Відживлення демократії / Ж.–Ф. Ревель; [пер. з франц. З. Борисюк, О. Хома]. – К.: Критика, 2004. – 592 с.
2. Рябушкина В. А. Современные квазидемократии / В. А. Рябушкина // Полития. – 2008. – №4. – С.105–121.
3. Тилли Ч. Демократия / Ч. Тилли; [пер. с англ. Т. Б. Менская]. – М.: Ин-т общественного проектирования, 2007. – 264 с.
4. Piano A. Freedom in the World 2004. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties / A. Piano, A. Puddington (eds.) – N. Y.: Freedom House; Lanham, Md.; Oxford: Rowman and Littlefield, 2004. – 736 p.
5. Electoral Democracies [Electronic resource]. – Access mode: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Electoral%20Democracy%20Numbers%2C%20FIW%201989–2016.pdf>
6. Collier D. Democracy with adjectives. Conceptual Innovation in Corporative Research / D. Collier, S. Levitsky // World Politics. – 1997. – Vol.49. – №3. – P.430–451.
7. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Полис. – 1999. – №1. – С.10–25.
8. Democracy Index 2014. Democracy and its Discontents. A Report from the Economist Intelligence Unit [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sudestada.com.ua/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>
9. Nation in Transit 2015: Democracy on the Defensive in Europe and Eurasia [Electronic resource]. – Access mode: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NIT2015_06.06.15_FINAL.pdf
10. Freedom in the World 2016. Anxious Dictators, Wavering Democracies: Global Freedom under Pressure [Electronic resource]. – Access mode: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_FITW_Report_2016.pdf
11. Глобальне відродження демократії / [за ред. Л. Даймонда, М. Ф. Платнера; науч. ред. С. Виноградова]; пер. з англ. С. Чучман, В. Лебедев, І. Малюга, С. Виноградов. – Львів: Ахілл, 2004. – 464 с.
12. Karl T. L. The Hybrid Regimes of Central America / T. L. Karl // Journal of Democracy. – 1995. – Vol.6. – №3. – P.72–86.
13. Jagers K. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data / K. Jagers, T. R. Gurr // Journal of Peace Research. – 1995. – Vol.32. – №4. – P.469–482.
14. Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. – №1. – P.5–21.
15. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / [Schedler A., Munck G. L., Hartlyn J. and others]; ed. by A. Schedler. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2006. – XI + 267 p.
16. Armony A. C. Babel in Democratization Studies / A. C. Armony, H. E. Shamis // Journal of Democracy. – 2005. – Vol.16. – №4. – P.113–128.
17. Sakwa R. Democratic Change in Russia and Ukraine / R. Sakwa // Democratization. – 1994. – Vol.1. – №1. – P.41–72.
18. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон; [пер. с англ. Л. Ю. Пангина]. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
19. Демократизация: учеб. пособие / [сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель]; пер. с англ. под науч. ред. М. Г. Мироноука. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.

References

1. Revel Zh.–F. Vidzhivlennya demokratiyi / Zh.–F. Revel; [per. z frants. Z. Borisyuk, O. Homa]. – K.: Kritika, 2004. – 592 s.
2. Ryabushkina V. A. Sovremennyye kvazidemokratiyi / V. A. Ryabushkina // Politiya. – 2008. – №4. – S.105–121.
3. Tilli Ch. Demokratiya / Ch. Tilli; [per. s angl. T. B. Menskaya]. – M.: In-t obshchestvennogo proektirovaniya, 2007. – 264 s.
4. Piano A. Freedom in the World 2004. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties / A. Piano, A. Puddington (eds.) – N. Y.: Freedom House; Lanham, Md.; Oxford: Rowman and Littlefield, 2004. – 736 p.
5. Electoral Democracies [Electronic resource]. – Access mode: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Electoral%20Democracy%20Numbers%2C%20FIW%201989–2016.pdf>
6. Collier D. Democracy with adjectives. Conceptual Innovation in Corporative Research / D. Collier, S. Levitsky // World Politics. – 1997. – Vol.49. – №3. – P.430–451.
7. Dajmond L. Proshla li «tret'ya volna» demokratizacii? / L. Dajmond // Polis. – 1999. – №1. – S.10–25.

8. Democracy Index 2014. Democracy and its Discontents. A Report from the Economist Intelligence Unit [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sudestada.com.ua/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>

9. Nation in Transit 2015: Democracy on the Defensive in Europe and Eurasia [Electronic resource]. – Access mode: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NIT2015_06.06.15_FINAL.pdf

10. Freedom in the World 2016. Anxious Dictators, Wavering Democracies: Global Freedom under Pressure [Electronic resource]. – Access mode: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_FITW_Report_2016.pdf

11. Globalne vidrodzhennya demokratsiyi / [za red. L. Daymonda, M. F. Plattnera; nauch. red. E. Vinogradova]; per. z angl. S. Chuchman, V. Lebedev, I. Malyuga, E. Vinogradov. – Lviv: Ahill, 2004. – 464 s.

12. Karl T. L. The Hybrid Regimes of Central America / T. L. Karl // Journal of Democracy. – 1995. – Vol. 6. – № 3. – P. 72–86.

13. Jagers K. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data / K. Jagers, T. R. Gurr // Journal of Peace Research. – 1995. – Vol. 32. – № 4. – P. 469–482.

14. Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – № 1. – P. 5–21.

15. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / [Schedler A., Munck G. L., Hartlyn J. and others]; ed. by A. Schedler. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2006. – XI + 267 p.

16. Armony A. C. Babel in Democratization Studies / A. C. Armony, H. E. Shamis // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16. – № 4. – P. 113–128.

17. Sakwa R. Democratic Change in Russia and Ukraine / R. Sakwa // Democratization. – 1994. – Vol. 1. – № 1. – P. 41–72.

18. Hantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v konce XX veka / S. Hantington; [per. s angl. L. Yu. Pantina]. – M.: ROSSPEHN, 2003. – 368 s.

19. Demokratizatsija: ucheb. posobie / [sost. i nauch. red. K. V. Harpfer, P. Bernhagen, R. F. Ingelhart, K. Vel'cel']; per. s angl. pod nauch. red. M. G. Mironjuka. – M.: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2015. – 708 s.

Gavrilyuk G. I., Candidate of History, Associate Professor of Department of Philosophy and Political Science, Kharkiv State Academy of Culture (Ukraine, Kharkiv), gengavrilyuk@ukr.net

Origination of imperfect democracies

The imperfect democracy is viewed as an eligible type of a political regime resulting from the political regimes' massive shift towards democracy during the third wave of democratization. Distinction between authoritarianism, imperfect democracy and democracy was made based on the democratic procedure and rule legitimacy criterion. Delegative democracy, hybrid regime and electoral authoritarianism are understood as sub-types of the imperfect democracy. The current imperfect democracy has been proved to be a regime characterized by uncertainty about democratic procedure functioning and originating from noncooperative or «defective-democracy-pact-limited» democratic transit within the third wave of democratization.

Keywords: imperfect democracy, wave of democratization, noncooperative democratic transit, delegative democracy, hybrid regime, electoral authoritarianism.

Гаврилюк Г. І., кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри філософії та політології, Харківська державна академія культури (Україна, Харків), gengavrilyuk@ukr.net

Походження дефектних демократій

Дефектну демократію розглянуто як повноправний тип політичного режиму, що виник в результаті масового зсуву держав за «шкалою політичних режимів» в сторону демократії в ході третьої хвилі демократизації. Розмежування авторитаризму, дефектної демократії та демократії проведено на основі критерію легітимності демократичних процедур і правил. Делегативна демократія, гібридний режим та електоральний авторитаризм осмислені як підтипи дефектної демократії. Доведено, що сучасна дефектна демократія являє собою режим, який характеризується невизначеністю в питанні функціонування демократичних процедур і є продуктом неактованого або обмеженого «пактом про дефектну демократію» демократичного транзиту в межах третьої хвилі демократизації.

Ключові слова: дефектна демократія, хвиля демократизації, неактований демократичний транзит, делегативна демократія, гібридний режим, електоральний авторитаризм.

УДК 352

Гладій В. І.,
аспірант кафедри політичних інститутів і процесів,
ДВНЗ «Прикарпатський національний
університет імені Василя Стефаника»
(Україна, Івано-Франківськ),
v.i.gladij@gmail.com

ЧИННИКИ ТРАНСФОРМАЦІЇ КОНЦЕПТУ МІСЦЕВОГО САМОВРЯДУВАННЯ

Досліджуються чинники впливу на трансформацію місцевого самоврядування у різних його вимірах. Аналізуються теорії та концепції місцевого самоврядування крізь ретроспективний аналіз форм самоврядності.

Ключові слова: місцеве самоврядування, громада, децентралізація, муніципалітет, державне управління, природні права.

Система місцевого самоврядування у сучасному його вимірі пройшла тривалу еволюцію. Інституціональні зміни міжособових, групових та соціальних відносин прямо чи опосередковано впливали на реалізацію історично перших форм самоврядності, які з часом трансформувалися в інститут місцевого самоврядування. Ідейним джерелом останнього виступає вчення про природне право, сутність якого реалізовано в уявленнях про справедливість; воно ж, у свою чергу, втілюється у загальнолюдських принципах свободи та рівності.

Метою дослідження є визначення факторів, що протягом еволюції суспільних відносин впливали на трансформацію місцевого самоврядування як у теоретичному, так і практичному вимірі. Окрім того, буде здійснено ретроспективний аналіз концептуальних основ системи самоврядності.

Проблеми співвідношення повноважень громади, органів місцевого самоврядування, центральної влади у розрізі сучасного державотворення актуалізують питання історико-політичного дискурсу. Він має сприяти аргументації розуміння сутності місцевого самоврядування як політичного інституту. Зміна політичних формацій передбачала новий зміст кожного інституту та аспекту політичного життя суспільства, у тому числі, неминуче це стосувалося місцевого самоврядування. Генеза теорій та концепцій місцевого самоврядування є наслідком тривалих досліджень як зарубіжних, так і українських вчених. Серед них класики самоврядних концепцій Л. Броді, О. фон Гірке, Р. Гнейст, Р. Молль, А. де Токвіль, Г. Туре, Е. Харді, В. Шеффер, Г. фон Штейн та ін.; російські дослідники О. Васильчиков, Л. Заливалова, Г. Курбатов, В. Лешков, Б. Чичерін; українські вчені В. Вернадський, Л. Гулак, М. Драгоманов, О. Євтушенко, В. Заблоцький, П. Круш, В. Куйбіда, М. Славінський, С. Томашівський та ін.

Отже, першою політичною формою конструкту місцевого самоврядування можна вважати державність Стародавнього Риму як цивілізації, що розвинулася з громади, та міста-поліси у Стародавній Греції. Незважаючи на присутність цензи щодо страт, власності, політичних прав, принципи самоврядності все ж втілювалися у належності громадян передусім до міста, де вони проживали, а вже потім до держави у цілому. Онтологічно це можна простежити на прикладі існування муніципій – римських міст з особливим статусом, вільне населення яких отримувало за договором права римського громадянства. Попередньо сформований у Стародавньому Римі муніципальний устрій було покладено в основу